

Т.П. Баталова

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

ПОЭМА Н.А. НЕКРАСОВА «СОВРЕМЕННОСТИ» (1875): СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ

Заглавия самой поэмы Н.А. Некрасова – «Современности» – и её частей – «Юбилеры и триумфаторы», «Герои Времени» – говорят о том, что мотив Времени – её лейтмотив. Время здесь проявляется в двух аспектах: историческом, исходящем от правления Петра I, и в текущем моменте. Следовательно, автор подчёркивает, что его персонажи, воплощая в себе черты прошедшего, развивают их, творя новое время, т.е. становятся его Героями – «Современниками». Философичность и публицистичность произведения в сочетании с трагикомическим началом (см.: 1, 35) обуславливают своеобразие жанра.

Чередующиеся сцены, внутренне между собой не связанные, объединены тем, что происходят «У Дюссо»: в части первой в 16 залах (списки в честь поэтов, художников, учёных, чиновников и др.), в части второй – в одной (пирующие «Всё тузы-акционеры») (3, 208).

В обзорной части первой возникает обобщающий образ Времени – результаты свершений Героев Времени. Сама их деятельность (часто от молодости до старости) показана в части второй. Такой принцип архитектоники предполагает герменевтический круг.

Действие продвигается ремарками и комментариями автора и Князя Ивана. От «исторических отцов» Князь Иван унаследовал шутовские таланты:

Именитый дед его
Был шутком Елизаветы,
Сам он – ровно ничего.
<...>

Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век иной
Был бы он шутком примерным,
А теперь он – шут простой (3, 191).

Таким образом, историческое время Шута придворного превратило в Шута плутократов.

Смысловым ключом части второй является её кульминация – монолог Господина, имя которого не называется: вероятно, чтобы передать обобщающее значение его прожектов для исторической перспективы России.

<...>

Пётр Великий в Сестрорецке
Порт громадный замышлял,
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,
Но и в малом человеке
Он не дремлет иногда
Нужен порт... НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

<...>

Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с Богом...
Составляйте капитал!

С деньгами, с гением,
Чудным движением
Русь оживим!
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

<...>

Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом! (3, 234–235).

У автора «После кратких размышлений // Возникал в уме вопрос: // “Сумасшедший или Гений?”» (3, 233).

Свою иронию поэт выражает в образной форме – в сочетании значительности атрибутов: «Пётр Великий», «порт громадный» – и сомнительности плана: «в Сестрорецке» (т.е. в мелководной части Финского залива). В изложении идей «сумасшедшего или Гения» – построить на отдалённой от моря «Чёрной речке» «порт»-«маяк», «горящий ярко» «на Руси» – авторский сарказм. Обыгрываются и топонимы: Сёстры-реки и Чёрная речка (напомним, к тому же – место гибели Пушкина).

По ущербу от реализации этого проекта его составитель кажется Сумасшедшим. Но по «кушу», который он получит при этом, он – Гений. Князь Иван, вероятно, имея в виду истинные цели оратора, констатирует: «Никогда он не был вором, // А людей с сумой пускал» (3, 235).

Думается, в этом монологе заключена ключевая мысль произведения. Нецелесообразность замыслов Петра I символизирует противоречивость петровских преобразований естественному течению русской жизни. План Сумасшедшего или Гения, развивающий петровские принципы, говорит об античеловечности деятельности Героев Времени.

Соотношение этих проектов – образное выражение пути развития русского капитала.

Истории «чудесного» обогащения Героев Времени в части второй располагаются по усилению их бесчеловечности. «Самородок-русак» Фёдор Никифоров Шкурин:

Был он мужик, ничего не имел,
Часто гуляла по мальчику палка (3, 204).

Он вспоминает:

Я из хребта у свиней
В младости дёргал щетину.
Мечется стадо, ревёт.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит – дерёт,
Первого сорту щетина! (3, 204)

Став «подрядчиком», Шкурин поил рабочих квасом на болотной воде:

Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивидента
Красноречивее слов говорит!... (3, 205–206)

Образ Шкурина репрезентативен для «группы директоров», «тузов-акционеров»: «В группе директоров Шкурин сидит» (3, 204).

Железнодорожный «Инженер» предлагает новый «гениально-сумасшедший» «проект», который узаконивает «право увечить людей». «Шут простой» над ним насмехается:

А! Господин костолом
 Радуюсь встрече случайной.
 Правда ли? мы создаём
 Новый проект чрезвычайный:
 Предупредительных мер
 Мы отрицаем полезность...
 (Так! господин инженер!
 Благодарим за любезность.)
 Вечно мы будем ломать
 Едущим руки и ноги:

<...>

Так-с! Выражаясь точнее,
 Вы узаконить хотите
 Право увечить людей...
 Мало ещё вы кутите! (3, 211)

Беззаконие даёт абсурдную возможность строить дороги на «болоте».

«Авраам-изыскатель», которого князь Иван «знал пастухом», купив по дешёвке «болото» («семьдесят семь десятин»), «взял большие подряды» на строительство железной дороги. Теперь:

Денег у Берки без счёта,
 Берка – давно дворянин,
 Благословляя болота
 Семьдесят семь десятин (3, 219).

Князь Иван комментирует такие «подряды»:

На уме чины да куши,
 Пассажиров бьёт гуртом

<...>

Всё равно что резать сонных –
 Обирать народ! (3, 220).

Наивысшее преступление Отцов-плутократов – в предательстве Детей-воинов: поставлять войскам «глиняные пули». (Заметим, что и Сумасшедший или Гений «войскам оружие дал»).

Слушая их разговоры, Князь Иван восклицает:

Дети в бой идут,
 А отцы подряды
 На войну берут...
 Юные герои
 Гибнут в каждом бое,
 Не поймут никак:
 Почему в атаке,
 В самой жаркой драке,
 Невредим пруссак?
 Дети! вас надули
 Ваши старики:
 Глиняные пули
 Ставили в полки! (3, 215).

Таким образом, дельцы-миллионеры наживают капиталы абсурдно-гениальными по бесчеловечности способами – на обмане и страданиях народа.

Некрасов показывает и историческую перспективу этих процессов. Она двоякая. Её представляют два персонажа: «Отшельник Севильи» и «Сумасшедший или Гений». Они противоположны друг другу: по-разному показывают «предприимчивость России». Первый – «Великий человек», «вожделений плутократов апофеоз». «Ухватив громадный куш, // Он ушёл – на светлом юге // Отдыхать» (3, 232).

Увезённый миллиард он тратит исключительно на свой комфорт. Его девиз – «Я не делюсь ни с кем!». На вилле «Мирт» он «сделал род престола». Там:

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висячие балконы
И с одного – в Европе лучший вид!

<...>

Так он живёт, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему... (3, 233).

С точки зрения «Сумасшедшего или Гения» «Отшельник Севильи» – «Дурень» (3, 234).

Но его абсурдно-гениальные планы для России ещё опаснее. Они не только ущербны, не только тормозят развитие страны, но и искажают её исторический путь, ведут к трагическим кризисам.

Таким образом, герои части второй – творцы Времени, о которых Князь Иван говорит:

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона... (3, 241)

Рассматривая поэтику сюжетосложения, Г.В. Краснов пишет: «Эпилог подсказывает точку зрения на предшествующие описания, заново регулирует читательское воображение» (2, 123). Эпилог части второй «Современников» переосмысливает изображённое собрание как «пир во время чумы». В этом – выражение не просто бесперспективности, но и обречённости такого общественного уклада. Эта мысль воплощена в драме Зацепина. Функция его образа – обобщающая. Он вождь изображаемого «сборища». Уже сама фамилия его перекликается со словом «зацапай» («Как ни зацапай наличность» (3; 4, 240)) – говорит о смысле его жизни. Это он организует «Гомерические куши, // Миллионные дела, // Баснословные оклады». Автор характеризует его саркастически:

Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
В коммерческом мире великую славу
И крупную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умён, даровит (3, 207).

Чувствуется намёк и на инферность этих достоинств:

В нём чудная тайна успеха таится,
Недаром он в каждом правленьи сидит...
Придёт вам охота в афёры пуститься,
Старайтесь его к предприятию привлечь –
Пойдёт как по маслу! ... (3, 207)

Эпилог строится по тому же принципу, что и всё произведение: следствие предвзывает причину. Большую часть его занимают покаянные «вопли» «Зацепы»: «Я вор!» Характерна и реакция его «друзей». Видимо, подобные сцены для них уже не новы:

Ты подобен той тетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей (3, 239).

Заключает эти сцены, контрастируя с их развёрнутостью, лаконичное сообщение о причине «драмы» Зацепина. Это его конфликт с сыном:

Слух по столице пронёсся один –
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?», «Правда ли?» – юноша смело

Сыплет вопросы – и нет им конца;
 Вспыхнула ссора. Зацепин взбесился.
 Чтоб не встречать и случайно отца,
 Сын непокорный в Москву удалился.
 Там он оканчивал курс, голодал,
 Деньги и письма отцу возвращал.
 Втайне Зацепа о нём тосковал... (3, 249).

Краткость этих строк, почти небрежность, говорит, вероятно, о восприятии «ссоры» «Зацепой» как обычного для того времени случая, о его надежде на примирение.

Разыгравшаяся трагедия – гибель сына – вскрывает глубину конфликта. Эмоциональную экспрессию усиливает поэтический параллелизм с предательством «стариков». Здесь пуля (моральная – отца!) не оказалась «глиняной»:

Вдруг телеграмма пришла роковая:
 «Ранен твой сын». Через сутки письмом
 Друг сообщил и причину дуэли:
 «ВОРОМ ОТЦА ОБОЗВАЛИ ПРИ НЁМ»...
 Чёрные мысли отцом овладели.
 Утром он к сыну поехать хотел,
 Но и другая пришла телеграмма... (3, 249)
 «Сегодня умер Константин» (3, 248).

Сын знал, что отец, действительно, «ВОР». Вызов на дуэль означал нежелание быть сыном ВОРА. Он шёл на верную гибель.

Зацепин только «хотел» поехать к Константину. В итоге – трагедия сына для него – только «драма»:

Как ни крепился старик – не стерпел,
 И разыгралась воочию драма... (3, 249).

Она закончилась почти комедией:

Савва – честь ему и слава! –
 «Сядем в горку!» – вдруг сказал.
 Стол раскрыт – пошла забава,
 Что ни ставка – капитал!
 Рассчитал недурно Савва:
 И Зацепа к ним подстал (3, 250).

«Друзья» Зацепина правы:

Эти бури придают
 Наутро блеск его идеям! (3, 239).

Таким образом, Некрасов показывает, что характер развития русского капитала заключается в том, что несоответствие петровских преобразований условиям России переходило со временем в абсурдность планов и деятельности плутократов. Это обуславливает историческую трагикомедию России.

Заглавие части первой – «Юбиляры и триумфаторы» – говорит о том, что в ней изображены итоги реализации абсурдно-гениальных стремлений Героев Времени. Они оказываются противоестественными и бессмысленными. Прежде всего об этом говорит состояние земледелия:

В крови у русской клячи есть
 Привычка золотая:
 «Работать много, мало есть» –
 Основа вековая!
 Печальный вид: голодный конь
 На почве истощённой,

С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвящённой –
Ещё печальней что-нибудь получится в итоге... (3, 193–194)

Звучит парадоксом поздравление Управляющему «дальним краем»:
Дальним краем управляя,
Не был ты его бичом.
В то же время населенья <...>
Не довёл до разоренья,
Нищих крова не лишил! (3, 189).

Этим социально-экономическим принципам соответствует и «старый порядок», о котором вспоминают с сожалением герои залы № 6:

Нет! лучше был порядок старый!
<...>
Что только палка бьёт пороки!
<...>
Где страх начальства, там и честь (3, 193).

Таким образом, сценки части первой выражают авторскую мысль о том, что абсурдно-гениальная бесчеловечность свершений Героев части второй превратилась в существенную черту Времени.

Итак, в поэме Некрасова «Современники» раскрыты определённые историософские проблемы: осмыслены характерные черты формирования и развития русской плутократии.

Литература

1. *Краснов Г.В.* Последние песни Некрасова. – М., 1981.
2. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.
3. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 4. – Л., 1982.

Г.В. Федянова

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

ПОЭМА Н.А. НЕКРАСОВА «САША»: К ПРОБЛЕМЕ МЕТАСЮЖЕТА

Проблема читателя была и остаётся одной из самых сложных при изучении литературного процесса. Это замыкающее звено обычно сохраняет неопределённость. Когда мы обращаемся к произведениям XIX в., то сталкиваемся со своеобразной сложностью реконструкции портрета читателя: и из-за временного интервала, и из-за смены культурных пластов, даже если речь идёт об одной национальной культуре, а язык произведения соответствует современному живому литературному языку. Если сохраняются письменные источники, то этот портрет приобретает достоверность.

Восхищение А.Н. Майкова поэмой Некрасова «Саша» даёт нам представление о читателе конца 1855 года. Познакомившись ещё до публикации, Майков увидел в ней «лучшую... вещь» Некрасова «и во всей современной поэзии» (4, 101–102). Л.Н. Толстой благодарил Некрасова за «Сашу» (7, 75).

Но если Майков оценивает эстетический аспект, особо выделяя сцены рубки леса, деревенского приволья, юности Саши, то Толстой отмечает этическое начало. Лирический герой поэмы признаётся:

Злобою сердце питаться устало,
Много в ней правды, да радости мало (5; 4,10).